

УДК 34

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ БАЛКАН)

© 2024 г. А. И. Черкасов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: aligorch@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.08.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена проблемам конструирования европейской идентичности, которая носит достаточно противоречивый и многогранный характер. Отмечается наличие сложностей с определением общих тем, которые бы объединяли различные национальности, населяющие Европу. На примере стран Балканского региона анализируется возможная конфликтная ситуация между европейским и национальным уровнями политической и культурной идентификации. Рассматриваются две модели эволюции национальной идентичности и ее соотношения с европейской идентичностью, получившие наименование «конвергенция идентичностей» (Хорватия) и «дивергенция идентичностей» (Сербия). В статье отмечается, что часть общества в европейских странах пытается идентифицировать себя с объединенной Европой и ее ценностями. При этом наблюдаются и другие настроения, иной вектор самоидентификации той части европейского населения, которая видит в европейской интеграции угрозу национальному единству, сложившимся традициям и культурной самобытности. Подобные настроения зачастую находят свое выражение в усилении этноцентризма и подъеме националистических чувств. В статье обращается внимание и на конкуренцию национальных и региональных идентичностей, в том числе на оживление автономистских нарративов в отдельных европейских государствах.

Ключевые слова: европейская идентичность, европейская интеграция, национальная идентичность, Балканский регион, политическая культура, историческая память, национализм, легитимность.

Цитирование: Черкасов А.И. Историкографические и доктринальные аспекты конструирования европейской идентичности (на примере современных Балкан) // Государство и право. 2024. № 10. С. 206–215.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институт государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224100189

HISTORIOGRAPHICAL AND DOCTRINAL ASPECTS OF CONSTRUCTING EUROPEAN IDENTITY (USING THE EXAMPLE OF THE MODERN BALKANS)

© 2024 A. I. Cherkasov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: aligorch@yandex.ru

Received 22.08.2024

Abstract. The article deals with the problems of constructing European identity, which is quite controversial and multifaceted. It is noted that there are difficulties in identifying common themes that would unite the different nationalities inhabiting Europe. Using the example of the countries of the Balkan region, a possible conflict situation between the European and national levels of political and cultural identification is analyzed. Two models of the evolution of national identity and its relationship with European identity, called “convergence of identities” (Croatia) and “divergence of identities” (Serbia), are considered. The article notes that part of society in European countries is trying to identify itself with a united Europe and its values. At the same time, there are other sentiments, a different vector of self-identification for that part of the European population that sees European integration as a threat to national unity, established traditions and cultural identity. Such sentiments often find expression in increased ethnocentrism and the rise of nationalist feelings. The article also draws attention to the competition between national and regional identities, including the revival of autonomist narratives in certain European states.

Key words: European identity, European integration, national identity, Balkan region, political culture, historical memory, nationalism, legitimacy.

For citation: Cherkasov, A.I. (2024). Historiographical and doctrinal aspects of constructing European identity (using the example of the modern Balkans) // *Gosudarstvo i pravo*=State and Law, No. 10, pp. 206–215.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Важнейшей основой для понимания как всего цивилизационного развития, так и его современного этапа является учет уроков прошлого, особенностей национальной памяти того или иного государства, механизмов, посредством которых осуществляется конструирование национальной идентичности. Необходимо принимать во внимание допущенные в те или иные периоды истории ошибки, стремиться избегать их повторения. При этом историю не следует подвергать ревизии, не должна нарушаться историческая правда по тем или иным корыстным мотивам.

Объективный подход, не допускающий отказа от исторической правды в рамках проводимых исследований, чрезвычайно значим для российской юридической науки и общественно-политических дисциплин в целом. Ведь Россия, как отмечается в Указе Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении основ государственной политики в области исторического просвещения»

(далее — Указ Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314), является «великой страной с многовековой историей, государством-цивилизацией, сплотившим русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внесшим огромный вклад в общемировое развитие» (п. 5)¹.

Едва ли можно согласиться с идеей «отказа от исторической правды как абсолютной категории»², выдвинутой в проведенном для Комитета по культуре и образованию Европейского парламента исследовании под названием «Европейская идентичность». Автор исследования — немецкий политолог М.Й. Пруч, считающий, что «правда остается, прежде всего, идеалом», и что даже

¹ См.: Kremlin. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73989> (дата обращения: 21.08.2024).

² Prutsch M.J. Research for CULT Committee — European Identity. Brussels, 2017. P. 31.

в науке можно стремиться только к «все возрастающему приближению к истине». По его мнению, «особенно верным это является применительно к гуманитарным наукам»³.

В рамках подобного релятивистского подхода историческая правда неизбежно подменяется набором искусственным образом выстраиваемых историй, из которых, как отмечают отечественные исследователи, сложно извлечь что-то полезное и позитивное. Как подчеркивает директор Института государства и права Российской академии наук А.Н. Савенков, «сегодня, когда попытки фальсификации истории Второй мировой войны, а также манипулирования общественным сознанием с помощью современных технологий стали частью информационной войны, необходимы усилия, направленные на защиту исторической правды»⁴.

Для граждан нашей страны, прошедшей через тяжелейшие испытания Великой Отечественной войны, с детства окруженных реальными носителями исторической памяти, прошлое — это знания, опирающиеся на выстраданные переживания. Как отмечается в Указе Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314, «в основе самосознания российского общества лежат формировавшиеся и развивавшиеся на протяжении всей истории России традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, сохранение и защита которых являются обязательным условием гармоничного развития страны и ее многонационального народа, неотъемлемой составляющей суверенитета Российской Федерации» (п. 5).

Проблемы исторической памяти тесно связаны с вопросами идентичности. Конструирование европейской идентичности⁵, для которой характерен некоторый отход от национального в пользу наднационального понимания истории, является во многом краеугольным камнем развития Европейского Союза и европейской интеграции. В европейской историографии констатируется сложность целостного восприятия европейской истории и невозможность единогласного определения европейской идентичности. Более того, подчеркивается, что «само по себе понятие идентичности представляет собой пустой сосуд, который

в конкретном контексте может быть наполнен множеством содержаний (социально-культурных, классовых, профессиональных, гендерных, политических, этнических, локальных региональных, национальных и т.п.)»⁶.

Как отмечает шведский историк Б. Страт, данный процесс характеризуется конфликтностью и стремлением заинтересованных сторон к мобилизации различных «историй» с целью легитимации своего видения европейской идентичности и с «претензией на изложение событий в их истинном варианте»⁷. Политическая борьба за формирование будущего Европейского Союза всегда зависела от переговоров и сопровождалась «перетягиванием каната» заинтересованными сторонами.

Б. Страт подчеркивает, что «предпосылкой формирования европейской политической культуры является не консенсус, а трансформация разногласий в компромиссы посредством символической координации норм и ценностей и создания институциональных механизмов для разрешения конфликтов»⁸. Европейская интеграция, по его мнению, в конечном итоге вытекает «не из внутренней согласованности культурных кодов, а из прагматических процессов переговоров, в которых традиции сообщества могут сливаться с традициями инакомыслия»⁹.

Б. Страт полагает, что идентичность является достаточно проблемным и размытым понятием, которое в буквальном понимании означает некое равенство и одинаковость, устанавливаемые в результате обретения идентичности. Концепция идентичности, таким образом, намеренно используется для построения некоего единого сообщества и придания ему чувства сплоченности и целостности. При этом «создается впечатление, что все люди в воображаемом сообществе как бы равны»¹⁰. Как свидетельствует история, «утопические мечты об общности, сплоченности и целостности, содержащиеся в понятии идентичности, мобилизуются как раз в ситуациях, когда таких чувств не хватает»¹¹.

Б. Страту вторит профессор Стэнфордского университета Х. Уайт, отмечающий, что в применении к Европе «термин “идентичность” является,

³ Prutsch M.J. Op. cit. P. 31.

⁴ Савенков А.Н. Геноцид советского народа: от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 8.

⁵ Термин «европейская идентичность» впервые появился в Декларации о европейской идентичности, принятой странами — членами Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в 1973 г. (см.: Declaration on European Identity (Copenhagen, 14 December 1973) // CVCE. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/declaration_on_european_identity_copenhagen_14_decembre_1973-en-02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32.html (дата обращения: 21.08.2024).

⁶ Nanz P.I. In-between Nations: Ambivalence and the Making of a European Identity // Europe and the Other and Europe as the Other / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. P. 292.

⁷ Stråth B. Introduction: Europe as a Discourse // Ibid. P. 16.

⁸ Ibid. P. 17.

⁹ Ibid. P. 18.

¹⁰ Ibid. P. 19.

¹¹ Ibid. P. 20.

конечно же, мистификацией»¹². По его мнению, т.н. Европы «никогда и нигде не существовало, кроме как в определенном дискурсе, то есть в разговорах и работах мечтателей и авантюристов, ищущих алиби для цивилизации, главным историческим атрибутом которой были стремление к всеобщей гегемонии и необходимость уничтожения того, над чем она не сможет доминировать, что она не сможет ассимилировать или потребить по некому божественному праву»¹³. Х. Уайт критически отзывается о современной европейской бюрократии, констатируя, что она заинтересована лишь в безопасности и стабильности своего собственного пространства и образа жизни. При этом бюрократия оставляет за собой «право на экономическое, политическое и военное вмешательство в пространство и образ жизни остального мира, когда ее собственные экономические интересы находятся под угрозой»¹⁴.

Наличие проблем с продвижением европейской идентичности отмечает и австралийский исследователь Дж. Гримм, подчеркивающий «отсутствие корреляции между институциональным развитием ЕС и самоидентификацией граждан в качестве европейцев, которая бы строилась “снизу вверх”»¹⁵. Им делается вывод о том, что «европейским институтам так и не удалось привить гражданам чувство общей европейской принадлежности, несмотря на все их усилия»¹⁶.

Концепция европейской идентичности рассматривается критически настроенными политологами и историографами как некий «социальный клей», изобретенный институтами Европейского Союза и отдельными интеллектуальными элитами. Цель данной концепции заключается в том, чтобы «сформировать общую наднациональную идентичность как результат процессов экономической и политической конвергенции, способную сбалансировать культурный плюрализм и социальные противоречия»¹⁷. Коллективные идентичности, однако, «не могут быть просто сформированы путем официальных дискурсов», поскольку «они выковываются из давних социальных и политических практик, общего опыта, воспоминаний

и мифов, которые функционируют по-разному в разных социально-культурных контекстах»¹⁸.

Существует и более апологетический подход к вопросам идентичности, разделяемый европейской бюрократией. Достаточно показательным является уже упоминавшееся исследование под названием «Европейская идентичность». Анализируя доктринальные аспекты указанной проблематики, автор исследования утверждает, что имеют место «два конкурирующих понимания европейской идентичности: 1) Европа как культурная общность, разделяющая общие ценности; 2) Европа как политическое сообщество общих демократических практик»¹⁹. Акцент в исследовании делается на «идее Европы как политического сообщества, подчеркивающей объединяющую способность демократических институтов и активную гражданскую готовность», что «порождает демократическую политическую культуру» (т.н. конституционный патриотизм)²⁰.

Идея конституционного патриотизма в качестве проводника общеевропейских ценностей основывается на достаточно неоднозначном тезисе о том, что «люди должны развивать привязанность скорее к либерально-демократическим институтам, чем к какой-либо национальной культуре»²¹. Сама же европейская политика, по мнению М.Й. Пруча, должна быть направлена, в первую очередь, на «укрепление коллективной транснациональной идентичности»²². Коллективная идентичность, таким образом, переосмысливается с акцентом на некую объединяющую способность демократического гражданства, а не на культурную и/или этническую идентификацию людей. М.Й. Пруч считает такое переосмысление «особо актуальным — если не обязательным — в современных государствах, характеризующихся существованием множества лингвистических, культурных и групповых идентичностей»²³.

В рассматриваемом исследовании, правда, допускается возможность определенного конфликта между общеевропейским и национальным уровнями политической идентификации. В целях его разрешения формулируется концепция так называемого «постнационального типа лояльности», базирующегося на легитимности ЕС, достигнутых данным интеграционным объединением позитивных результатах и привлекательных перспективах.

¹² White H. The Discourse of Europe and the Search for a European Identity // *Europe and the Other and Europe as the Other* / ed. by B. Stråth. 2010. P. 67.

¹³ Ibid. P. 68.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Grimm J. Building an EU Identity: Policy Development at the EU-Level — An Overview of the Current State // *Australian and New Zealand Journal of European Studies*. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 35.

¹⁶ Ibid. P. 41.

¹⁷ Nanz P.I. Op. cit. P. 287.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Prutsch M.J. Op. cit. P. 5.

²⁰ См.: ibid.

²¹ Ibid. P. 16.

²² Ibid. P. 5.

²³ Ibid. P. 16.

Вполне естественно, что при этом отмечают сложность поставленной задачи и недостаток структурных предпосылок для такой легитимности.

Компенсировать подобный недостаток призвана политика, которая направлена на укрепление чувства европейской принадлежности, европейской идентичности, основывающейся на истории и памяти. В исследовании подчеркивается, что незыблемым условием построения единого сообщества является достижение по крайней мере некоего базового консенсуса по поводу прошлого и того, как его следует воспринимать. С учетом «отсутствия других объединяющих элементов, таких, например, как общий язык», историческая память представляется автору исследования «особенно важным — если не единственно возможным — инструментом для развития (культурной) идентичности»²⁴.

Предлагаемая для скрепления европейской идентичности «культура памяти» предполагает «акцент на том, как, а не на том, что, собственно, помнить» и требует способности к «(само)критической переработке прошлого, генерируемой на национальном уровне», для чего, по мнению автора исследования, необходимо «проведение соответствующей политики в области образования»²⁵.

Стремление к формированию единой коллективной исторической памяти прослеживается и в Пояснительном докладе к подвергнутой в Российской Федерации обоснованной критике Резолюции Европейского парламента от 17 января 2024 г. о европейском историческом сознании (2023/2112(INI))²⁶. В п. 1 данного Доклада «Отношение к прошлому Европы как к риску и возможности» было подчеркнуто, что «для развития чувства общей принадлежности необходима работа над коллективной памятью, поскольку коллективная память является центральным аспектом формирования и укрепления групповой идентичности»²⁷.

Объективная оценка процессов выстраивания единой европейской исторической памяти, конструирования и взаимовлияния наднациональной и национальной идентичностей, однако, подталкивает к выводу о том, что указанные процессы носят более противоречивый и многогранный характер,

чем это, возможно, представляется европейской бюрократии. Имеются явные сложности с определением общих тем, которые объединяли бы различные национальности, населяющие Европу, и выработкой механизмов преодоления накопившихся разногласий.

В научной литературе формулируются две базовые модели эволюции национальной идентичности и ее соотношения с европейской идентичностью. Первая модель получила наименование «конвергенция идентичностей». В рамках данной модели «действующие политические лица стратегически концентрируются на общих нормах и ценностях и игнорируют противоречивые нормы и ценности в стремлении к достижению конкретных политических целей»²⁸. Вторая модель, обозначенная как «дивергенция идентичностей», наоборот, представляет собой «механизм, с помощью которого внутренние коалиции сопротивляются нормам и правилам европеизации и определяют соответствующее национальное сообщество в контрасте с Европой»²⁹.

Наиболее наглядным образом указанные модели могут быть проиллюстрированы на примере современных Балкан, в частности таких государств, как Хорватия («конвергенция идентичностей») и Сербия («дивергенция идентичностей»), продемонстрировавших неодинаковое отношение к вопросам европеизации. Обе эти страны имеют формально немало общего — вхождение в свое время в состав единого федеративного государства, опыт коммунистического правления, наследие недавней войны, схожий язык. Дальнейшие траектории развития Хорватии и Сербии, однако, пошли разными путями.

Современная хорватская государственная идентичность «построена на трех столпах: национализме, чувстве европейскости и памяти о войне 1990-х годов»³⁰. На протяжении веков хорватская национальная историография формировала ощущение уникальности и самобытности хорватов и их отличия от своих южнославянских соседей и поддерживала глубоко укоренившееся стремление к суверенной государственности.

Тяга Хорватии к независимости также базировалась на исторической памяти о противоречивом опыте предыдущего хорватского независимого государства — созданного нацистами в период Второй мировой войны марионеточного образования, в рамках которого были совершены многочисленные зверства по отношению к нехорватским

²⁴ Prutsch M.J. Op. cit. P. 37.

²⁵ Ibid. Pp. 6, 7.

²⁶ См.: European Parliament Resolution of 17 January 2024 on European Historical Consciousness (2023/2112(INI)) // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0030_EN.html (дата обращения: 21.08.2024).

²⁷ Report on European Historical Consciousness (2023/2112(INI)) // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2023-0402_EN.html (дата обращения: 21.08.2024).

²⁸ Subotic J. Europe is a State of Mind: Identity and Europeanization in the Balkans // International Studies Quarterly. 2011. Vol. 55. Iss. 2. P. 310.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. P. 315.

меньшинствам (особенно евреям). Дальнейшее развитие хорватской государственности базировалось на мифе о хорватах как уникальных людях, никак не связанных со своими балканскими собратьями, и тем более с сербами. Были обновлены учебные программы, призванные отразить хорватские национальные ценности, враставшиеся во круг принципов «хорватизации» и «европеизации».

Национальная идентичность хорватов основывалась на своеобразной «дебалканизации», в рамках которой не только всячески подчеркивалось их отличие от сербов, но и отмечалось, что «Хорватия никогда и не принадлежала к Балканам с точки зрения истории, культуры, религии или же цивилизации»³¹. Хорватская пресса перестала использовать термин «Балканы» применительно к отношениям с соседями, и вместо этого речь велась о принадлежности к «центральноевропейскому региону». Хорваты позиционировались как «более прогрессивные, процветающие, трудолюбивые, толерантные, демократические, одним словом, европейские, в отличие от своих примитивных, ленивых, нетерпимых балканских соседей»³².

Хорватская государственная идентичность, таким образом, опирается на «специфическую балкано-европейскую дихотомию»: чем дальше Хорватия от балканской темницы, тем ближе она к Европе»³³. Европа же «была для хорватов всем, чем не были Балканы: либеральной, демократической, капиталистической, прогрессивной и католической»³⁴.

Страстно желая европеизироваться, хорватские элиты «глубоко идентифицировали себя с Европой как неким культурным и политическим домом Хорватии»³⁵. Они считали себя современными политическими лидерами западного образца и воспринимали Хорватию в ее базовых надстройках как подлинно европейское государство. Вполне логичным в данной связи представлялось вступление Хорватии в ЕС в июле 2013 г.

Аналогичное может быть сказано и о Словении, где также широкое распространение получила риторика относительно «выхода из Балкан» и «возвращения в Европу». Еще в 1990 г. в ходе избирательной кампании здесь был выдвинут лозунг «Европа сейчас!» («Evropa zdaj!»). Борьба Словении (как, собственно, и Хорватии) за признание себя

в качестве полноценного европейского государства означала «одновременный процесс дифференциации по отношению к государствам к Востоку и Югу, которые считались менее европейскими и в некоторых случаях рассматривались как угроза европейским нормам и ценностям»³⁶.

Хорватские и словенские лидеры в своих выступлениях отделяли себя от т.н. других, коими в данном случае являлись сербы, мусульмане, да и югославы в целом. Это приводило к «стигматизации югославской и балканской идентичностей»³⁷. В итоге провозглашалась «культурная и политическая ориентация на Центральную Европу» и подчеркивалась «принадлежность к Средиземноморью и альпийским регионам Европы»³⁸.

Не обошлось и без исторической мифологии. В Хорватии и Словении выдвигались аргументы о том, что хорватская и словенская культуры были не только равны, но и в чем-то даже превосходили европейскую. Так, в хорватской прессе хорваты изображались мучениками, стоявшими на защите морали и христианства Европы и долгое время защищавшими европейскую цивилизацию от православной угрозы с Востока и османской угрозы с Юга.

Поскольку отдельные аспекты взаимоотношений с Европейским Союзом (и в частности, необходимость наказания военных преступников) воспринимались населением Хорватии как вмешательство в ее внутренние дела, политической элитой страны был изобретен соответствующий нарратив, призванный сгладить возникавшие противоречия. Согласно данному нарративу, членство в ЕС на самом деле будет даже способствовать повышению уровня реального суверенитета Хорватии и укреплению ее позиций по отношению к соседям. Хорватия в итоге «перестанет быть объектом интервенционистской политики ЕС, и будут созданы основы для хорватского интервенционизма по отношению к другим странам — кандидатам в члены ЕС на постюгославском пространстве в будущем»³⁹.

Словенцы же обратились к характерному для местной историографии мифу о средневековом королевстве Карантания, которое включало в себя современные территории Австрии, Венгрии и Словении и существовало в качестве известного своими демократическими традициями независимого образования вплоть до середины VIII в., когда оно стало частью Франкской империи.

³¹ Subotic J. Op. cit. P. 315.

³² Lindstrom N. Between Europe and the Balkans: Mapping Slovenia and Croatia's "Return to Europe" in the 1990s // *Dialectical Anthropology*. 2003. Vol. 27. No. 3. P. 317.

³³ Subotic J. Op. cit. P. 316.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid. P. 311.

³⁶ Lindstrom N. Op. cit. P. 313.

³⁷ Ibid. P. 319.

³⁸ Ibid. P. 325.

³⁹ Jović D. Imagining Europe in a New and Small State: The Case of Croatia // *Integrating the Western Balkans into the EU: Overcoming Mutual Misperceptions* / ed. by M. Uvalić. Cham, 2023. P. 125.

Карантания представлялась в качестве «одновременно родины и словенских народов, и современной демократии»⁴⁰.

Несколько иные процессы в 1990-е годы происходили в Сербии. Политическая идентичность данной страны «претерпела глубокую “этнификацию” посредством массовой националистической мобилизации вокруг защиты “сербских интересов”»⁴¹. Значительную роль в формировании сербской идентичности сыграла Сербская православная церковь, занимавшая антизападные позиции и зачастую изображавшая Европейский Союз как некую «возрожденную Габсбургскую Католическую Империю, поддерживаемую воссоединенной Германией и Ватиканом»⁴².

Сербия, хотя и считает вступление в Европейский Союз своим национальным приоритетом, никогда не воспринимала собственную европейскую идентичность как должное. Постъюгославская идентичность Сербии «развивалась в глубокой изоляции от Европы»⁴³, в том числе и из-за репутации Сербии как главного виновника происходивших на Балканах драматических событий. Одностороннее и достаточно высокомерное отношение со стороны Европейского Союза не могло не вызывать возмущения как политической элиты, так и простого населения Сербии. Интервенция НАТО в Сербию в 1999 г. еще более укрепила настроения, позиционировавшие Сербию в качестве жертвы, и чувство несправедливого отношения со стороны Запада. Взаимоотношения Сербии с Европейским Союзом были также осложнены ее отказом признать независимость Косово, провозглашенную в 2008 г.

Если, например, в Хорватии «Европа рассматривалась как политическое устройство, которое может что-то реально дать (экономическое процветание, “членство в клубе”, международную легитимность)», то в Сербии «Европа воспринималась как нечто отнимающее — территорию (Косово), национальную гордость (унижение проигрыша балканских войн), коллективную память о прошлом (посредством написания в Гааге новой исторической стенограммы)»⁴⁴.

Застопорившаяся европеизация Сербии, таким образом, объясняется сложившейся в данной стране «неопределенной и переходной идентичностью,

оспариваемым смыслом Европы и наличием претензий на альтернативную внутреннюю идентичность»⁴⁵. В Сербии, как, впрочем, и в Северной Македонии, европейская интеграция в глазах многих ассоциировалась с потерей суверенитета или даже с утратой национальной идентичности. Если в Сербии это было во многом связано с «вмешательством ЕС в нормализацию отношений с Косово», то в Северной Македонии — «с претензиями соседей относительно наименования страны и ее языка»⁴⁶.

То, что было определено как «дивергенция идентичностей», имеет достаточно отчетливую региональную коннотацию и рассматривается применительно к странам так называемых Западных Балкан, которые пока еще не вступили в Европейский Союз (Албания, Босния и Герцеговина, Косово, Северная Македония, Сербия и Черногория). В рамках этой группы стран — претендентов лишь Албания «является страной, где национальная идентичность и государственные границы остаются относительно стабильными, а также единственной страной, которая не участвовала в возникавших вооруженных конфликтах»⁴⁷. Показательно, что албанцы являются самыми большими энтузиастами вступления в ЕС. В Албании данный шаг поддерживает 97% населения, в Косово — 93%. Наиболее скептически в указанном отношении настроены жители Сербии, среди которых за вступление в ЕС в настоящее время выступают лишь 34%⁴⁸. При этом следует отметить, что поддерживаемый многими албанцами «Миф о Великой Албании» — государстве, объединяющем все территории с албанским населением, — вряд ли будет способствовать успешной европеизации албанцев и гармонизации отношений с соседями.

В упомянутых государствах Западных Балкан проблемы с защитой и продвижением национальной идентичности определены относительно недавними историческими событиями. Так, Босния и Герцеговина «была фактически опустошена войной 1992–1996 годов, которая оставила страну раздираемой с политической и конституционной точек зрения и ошутимо обедневшей в экономическом плане»⁴⁹. Далеко не всеми признается обретенная весьма драматическим и конфликтным путем независимая государственность Косово. Продолжает «подвергаться сомнению, как изнутри, так

⁴⁵ Ibid. P. 312.

⁴⁶ Džankić J. Perceptions or Misperceptions of EU Conditionality in the Western Balkans: A Case of a “Capability-Expectations Gap”? // Integrating the Western Balkans into the EU. P. 216.

⁴⁷ Ibid. P. 213.

⁴⁸ См.: Barbullushi O. European Union — Western Balkans Misperceptions and Paradoxes // Integrating the Western Balkans into the EU. P. 225.

⁴⁹ Džankić J. Op. cit. P. 213.

⁴⁰ Lindstrom N. Op. cit. P. 318.

⁴¹ Subotic J. Op. cit. P. 320.

⁴² Perica V. The Politics of Ambivalence: Europeanization and the Serbian Orthodox Church. In: Religion in an Expanding Europe / ed. by T.A. Byrnes, P.J. Katzenstein. Cambridge, 2006. P. 181.

⁴³ Subotic J. Op. cit. P. 311.

⁴⁴ Ibid. P. 321.

и снаружи, национальная идентичность Черногории, участвовавшей в связанных с распадом Югославии войнах на стороне Сербии»⁵⁰ (будучи частью единого с ней государства). Различные аспекты государственности и идентичности Северной Македонии в течение длительного времени оспаривались Грецией и Болгарией. Сербия же не признает независимость Косово и поэтому не может должным образом урегулировать свои собственные границы.

Несмотря на в свое время обещанную этим странам «европейскую перспективу», отмечают крайние низкие темпы их европейской интеграции, растущее недопонимание с Европейским Союзом и их ментальная разнонаправленность. Подчеркивается, что «жители Западных Балкан зачастую не понимают реальные выгоды от вступления своей страны в ЕС, в то время как в самих государствах — членах ЕС общественное мнение часто воспринимает Западные Балканы как регион конфликтов и политических рисков, которые могут только добавить новые проблемы и без того хрупкому Союзу»⁵¹.

В последнее время наблюдается общее ухудшение имиджа Европейского Союза на Западных Балканах под воздействием кризисных явлений внутри самого ЕС. На это, в частности, повлияли «медленное восстановление европейской экономики после глобального финансового и экономического кризиса, кризис еврозоны, миграционный кризис 2015 г., Брексит, нескоординированная политика во время пандемии COVID-19 и задержка с поддержкой Западных Балкан необходимыми вакцинами»⁵².

Говоря о складывающейся на европейском пространстве дихотомии идентичностей, следует отметить, что часть общества в европейских странах, безусловно, пытается идентифицировать себя с объединенной Европой и ее ценностями. В научной литературе отмечается, что такие лозунги, как «интеграция» и «Европа без границ», весьма популярны «среди профессиональных и бизнес-элит, а также транснационально ориентированных молодых европейцев»⁵³.

При этом наблюдаются и другие настроения, несколько иной вектор самоидентификации части европейского населения. Многие «видят в открытии границ угрозу национальному единству и своей культурной самобытности»⁵⁴. Подобные

настроения находят свое выражение в усилении этноцентризма, подъеме националистических чувств, трансформирующихся в общественные движения и в той или иной степени моделирующих политическую систему отдельных государств. Ярким свидетельством «возрождения национализма вследствие стремления защитить национальную идентичность стал Брексит»⁵⁵, т.е. выход Великобритании из состава ЕС.

Существуют, таким образом, и «другие имиджи Европы, циркулирующие за рамками понятия “Европейский Союз”»⁵⁶, такие например, как «Средиземноморская Европа», «Мусульманская Европа» и «Балканская Европа». В научной литературе справедливо отмечается, что «претензии ЕС на осуществление представительства Европы могут дополнительно оспариваться такими странами, как Турция и республики бывшего советского блока, которые также воспринимают себя в качестве европейских государств, но оказываются не включенными в новую политическую единицу»⁵⁷.

Как отмечает итальянский исследователь С. Фабрини, национальная идентичность (в отличие от наднациональной) воспринимается как «эмпирическая реальность, воплощающая не только фундаментальные политические и конституционные структуры соответствующей страны, но и ее политическую культуру»⁵⁸. И в этом смысле национальная идентичность будет противостоять наднациональной идентичности с той или иной степенью интенсивности.

Неизбежным спутником конфликта национальной и наднациональной идентичностей в конечном счете становится национализм. Именно последний «служит стратегией мобилизации, которая используется правящими элитами для создания среди граждан чувства политической поддержки своих действий, особенно когда эти элиты находятся в противоречивых отношениях с другими государствами-членами или же с наднациональными институтами ЕС»⁵⁹.

Но и национальной идентичности при этом может быть брошен вызов, поскольку наличие определенной коллективной идентичности само по себе «совершенно не означает, что все ее обязаны

⁵⁰ Džankić J. Op. cit. P. 214.

⁵¹ Uvalić M. The Perceptions of European Union-Western Balkan Integration Prospects: Introduction and Overview. Pp. 1, 2.

⁵² Ibid. P. 10.

⁵³ Nanz P.I. Op. cit. P. 288.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Fabbrini S. Constructing and De-constructing the European Political Identity: The Contradictory Logic of the EU's Institutional System // Constructing the EU's Political Identity / ed. by S. Saurer, M. Thatcher. Cham, 2022. P. 29.

⁵⁶ Nanz P.I. Op. cit. P. 290.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Fabbrini S. Op. cit. P. 28.

⁵⁹ Ibid.

принимать и разделять»⁶⁰, особенно в условиях многосоставных и полиэтнических государств. Построение такой идентичности может сталкиваться с определенным внутренним сопротивлением и «носить в высшей степени политизированный характер в условиях, когда действующие заинтересованные лица выдвигают альтернативные идентичности как часть более широкой политической борьбы»⁶¹. Необходимо, в частности, обратить внимание на конкуренцию национальных и региональных идентичностей, в том числе на оживление в отдельных европейских государствах автономистских нарративов (как, например, в испанской Каталонии либо в бельгийской Фландрии, не говоря уже о Шотландии в Соединенном Королевстве). Подобные нарративы призваны «обосновать свой собственный вариант “европейскости”, отвечающий интересам наций, не имеющих собственной государственности»⁶².

Анализ особенностей конструирования европейской идентичности, в том числе применительно к современным Балканам, свидетельствует о том, что европейское историческое сознание не носит целостного характера и имеет свои проблемные зоны. До конца так и не решенными остаются «проблемы баланса европейской исторической памяти и забвения, проблемы постколониализма и мультикультурализма, проблемы исторической вины и ответственности, стоящие перед европейскими народами»⁶³. В этих условиях не вполне продуктивными представляются попытки навязывания европейской идентичности, определенных наднациональных ценностей народам тех стран, которые расположены в Европе, но придерживаются иных, более традиционных ценностей, иной культуры памяти, других религиозных воззрений.

Для части европейцев достаточно чуждыми являются активно внедряемые во многих странах Запада законодательные новеллы в области общественной морали, и прежде всего в сфере гендерных и семейных отношений. Так, Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин обращает внимание на то, что «для людей, исповедующих авраамические религии, — христианство, ислам, иудаизм, — эти новеллы, включая нормы легализации и расширенной правовой защиты однополых сексуальных союзов,

означают прямое нарушение фундаментальных религиозных заповедей»⁶⁴. В то же время и «для светских людей, воспитанных в соответствующих национальных культурах», такие новеллы означали бы «не менее болезненный слом традиционных, глубоко укорененных в культуре, нравственных принципов»⁶⁵. Подобные навязываемые извне ценности отторгаются современным российским обществом, стержневыми ценностями которого являются «самоотверженность, патриотизм, любовь к родному дому, к своей семье, к Отечеству», и «на них, по большому счету, во многом держится суверенитет нашей страны»⁶⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зорькин В. Западные элиты навязывают миру чуждые народу ценности // Росс. газ. 2016. 19 мая.
2. Линченко А.А., Романов А.О. Европейская идентичность и целостность европейского сознания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. С. 297.
3. Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. М., 2020. С. 4.
4. Румянцев В. «Западная Европа» как стереотип в сознании европейцев // Историческая география, 16.10.2022. URL: <https://geohyst.ru/node/9642> (дата обращения: 21.08.2024).
5. Савенков А.Н. Геноцид советского народа: от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 8.
6. Barbullushi O. European Union — Western Balkans Misperceptions and Paradoxes // Integrating the Western Balkans into the EU. P. 225.
7. Džanki Ć.J. Perceptions or Misperceptions of EU Conditionality in the Western Balkans: A Case of a “Capability-Expectations Gap”? // Integrating the Western Balkans into the EU. Pp. 213, 214, 216.
8. Fabbrini S. Constructing and De-constructing the European Political Identity: The Contradictory Logic of the EU’s Institutional System // Constructing the EU’s Political Identity / ed. by S. Saurugger, M. Thatcher. Cham, 2022. Pp. 28, 29.
9. Grimm J. Building an EU Identity: Policy Development at the EU-Level — An Overview of the Current State // Australian and New Zealand Journal of European Studies. 2021. Vol. 13. No. 1. Pp. 35, 41.
10. Jović D. Imagining Europe in a New and Small State: The Case of Croatia // Integrating the Western Balkans into the EU: Overcoming Mutual Misperceptions / ed. by M. Uvalić. Cham, 2023. P. 125.
11. Lindstrom N. Between Europe and the Balkans: Mapping Slovenia and Croatia’s “Return to Europe” in the

⁶⁰ Saurugger S., Thatcher M. Constructing the EU’s Political Identity in Policy Making // Constructing the EU’s Political Identity. P. 4.

⁶¹ Ibid.

⁶² Румянцев В. «Западная Европа» как стереотип в сознании европейцев // Историческая география, 16.10.2022. URL: <https://geohyst.ru/node/9642> (дата обращения: 21.08.2024).

⁶³ Линченко А.А., Романов А.О. Европейская идентичность и целостность европейского сознания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. С. 297.

⁶⁴ Зорькин В. Западные элиты навязывают миру чуждые народу ценности // Росс. газ. 2016. 19 мая.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. М., 2020. С. 4.

- 1990^s // *Dialectical Anthropology*. 2003. Vol. 27. No. 3. Pp. 313, 317–319, 325.
12. *Nanz P.I.* In-between Nations: Ambivalence and the Making of a European Identity // *Europe and the Other and Europe as the Other* / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. Pp. 287, 288, 290, 292.
13. *Perica V.* The Politics of Ambivalence: Europeanization and the Serbian Orthodox Church. In: *Religion in an Expanding Europe* / ed. by T.A. Byrnes, P.J. Katzenstein. Cambridge, 2006. P. 181.
14. *Prutsch M.J.* Research for CULT Committee – European Identity. Brussels, 2017. Pp. 5–7, 16, 31, 37.
15. *Saurugger S., Thatcher M.* Constructing the EU's Political Identity in Policy Making // *Constructing the EU's Political Identity*. P. 4.
16. *Stråth B.* Introduction: Europe as a Discourse // *Europe and the Other and Europe as the Other* / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. Pp. 16–20.
17. *Subotic J.* Europe is a State of Mind: Identity and Europeanization in the Balkans // *International Studies Quarterly*. 2011. Vol. 55. Iss. 2. Pp. 310–312, 315, 316, 320, 321.
18. *Uvalić M.* The Perceptions of European Union-Western Balkan Integration Prospects: Introduction and Overview. Pp. 1, 2, 10.
19. *White H.* The Discourse of Europe and the Search for a European Identity // *Europe and the Other and Europe as the Other* / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. Pp. 67, 68.
7. *Džanki Ć.J.* Perceptions or Misperceptions of EU Conditionality in the Western Balkans: A Case of a “Capability-Expectations Gap”? // *Integrating the Western Balkans into the EU*. Pp. 213, 214, 216.
8. *Fabbrini S.* Constructing and De-constructing the European Political Identity: The Contradictory Logic of the EU's Institutional System // *Constructing the EU's Political Identity* / ed. by S. Saurugger, M. Thatcher. Cham, 2022. Pp. 28, 29.
9. *Grimm J.* Building an EU Identity: Policy Development at the EU-Level – An Overview of the Current State // *Australian and New Zealand Journal of European Studies*. 2021. Vol. 13. No. 1. Pp. 35, 41.
10. *Jović D.* Imagining Europe in a New and Small State: The Case of Croatia // *Integrating the Western Balkans into the EU: Overcoming Mutual Misperceptions* / ed. by M. Uvalić. Cham, 2023. P. 125.
11. *Lindstrom N.* Between Europe and the Balkans: Mapping Slovenia and Croatia's “Return to Europe” in the 1990^s // *Dialectical Anthropology*. 2003. Vol. 27. No. 3. Pp. 313, 317–319, 325.
12. *Nanz P.I.* In-between Nations: Ambivalence and the Making of a European Identity // *Europe and the Other and Europe as the Other* / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. Pp. 287, 288, 290, 292.
13. *Perica V.* The Politics of Ambivalence: Europeanization and the Serbian Orthodox Church. In: *Religion in an Expanding Europe* / ed. by T.A. Byrnes, P.J. Katzenstein. Cambridge, 2006. P. 181.
14. *Prutsch M.J.* Research for CULT Committee – European Identity. Brussels, 2017. Pp. 5–7, 16, 31, 37.
15. *Saurugger S., Thatcher M.* Constructing the EU's Political Identity in Policy Making // *Constructing the EU's Political Identity*. P. 4.
16. *Stråth B.* Introduction: Europe as a Discourse // *Europe and the Other and Europe as the Other* / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. Pp. 16–20.
17. *Subotic J.* Europe is a State of Mind: Identity and Europeanization in the Balkans // *International Studies Quarterly*. 2011. Vol. 55. Iss. 2. Pp. 310–312, 315, 316, 320, 321.
18. *Uvalić M.* The Perceptions of European Union-Western Balkan Integration Prospects: Introduction and Overview. Pp. 1, 2, 10.
19. *White H.* The Discourse of Europe and the Search for a European Identity // *Europe and the Other and Europe as the Other* / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. Pp. 67, 68.

REFERENCES

1. *Zorkin V.D.* Western elites impose values alien to the people on the world // *Ross. gaz.* 2016. 19 May (in Russ.).
2. *Linchenko A.A., Romanov A.O.* European identity and the integrity of European consciousness // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2015. No. 11. P. 297 (in Russ.).
3. *Putin V.V.* 75 years of the Great Victory: common responsibility to history and the future. M., 2020 (in Russ.).
4. *Rumyantsev V.* “Western Europe” as a stereotype in the minds of Europeans // *Geography*, 16.10.2022. URL: <https://geohyst.ru/node/9642> (accessed: 21.08.2024) (in Russ.).
5. *Savenkov A.N.* The Genocide of the Soviet people: from history to law, without limitation // *State and Law*. 2021. No. 9. P. 8 (in Russ.).
6. *Barbullushi O.* European Union – Western Balkans Misperceptions and Paradoxes // *Integrating the Western Balkans into the EU*. P. 225.

Сведения об авторе

ЧЕРКАСОВ Александр Игоревич –
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
сектора прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHERKASOV Alexander I. –
PhD in Law, Associate Professor,
Leading Researcher
of the Human Rights Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia